

СТРАННИК в душе, до революции ездивший по всему миру, побывавший в Палестине, И.А. Бунин тяготился своей привязанностью к Франции. Нансеновский паспорт заключал в себе неприятную особенность: пограничная служба практически любой страны видела в русском эмигранте «нежелательное лицо».

Но после получения Нобелевской премии в 1933 году, по определению Шведской академии «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер», — Бунин мог позволить себе, как европейская знаменитость, ряд турне. Весной 1938 года он посетил республики Прибалтики, где издавна жили русские да и коренное

Шел мелкий дождь. Но на перроне Бунина терпеливо ожидала толпа встречающих: официальные лица, делегации, поклонники его высокого литературного дара. Приветствия... Улыбки... Защелкали фотоаппараты... Госпожа Бинкиене вручила гостю букет роз. Писателя спешно провели в парадные комнаты вокзала, где и начался прием. От Общества литовских писателей к Бунину обратился Юозас Грушас. После него слово взял председатель объединения русских общественных организаций И.Е. Татаринцев. Каунасская русская драматическая труппа приподнесла почетный адрес и цветы. Затем Бунина на автомобиле отвезли в гостиницу «Метрополь».

тов фамильярно заключить писателя в объятия.

Так возник непосредственный контакт с соседним столиком, и сидевшая за ним довольно большая компания принялась живо общаться с нашим столом, а один-другой, не ожидая приглашения, забрали свои бокалы и графины и перебрались к нам. И вот мы попали на совершенно неожиданное пиршество, которое вскоре окончилось публичным скандалом.

Едва мы успели пригубить поданный кофе, как один из наших соседей — в полную противоположность первому восторженному почитателю — начал в довольно оскорбительной форме попрекать Бунина тем, что царизм притеснял литовцев. Вначале Бунин еще пытался вежливо и корректно объяснить, что литовцев притесняли царские жандармы, а не русские писатели, но это не успело подвыпившего «патриота», и он, все менее сдерживаясь, принялся прямо-таки ругать нашего гостя, энергично потрясая при этом кулаками. Вся публика наблюдала за этой неприличной сценой, прекратить которую был не в силах даже вызванный нами администратор ресторана.

Нам не оставалось ничего другого, как подняться и увести Бунина из ресторана, чтобы избежать еще больших оскорблений.

Так Бунин познакомился с «ночной жизнью» Каунаса, а заодно и с литовским буржуазным национализмом. Даже литераторы правого направления, присутствующие при этом, были шокированы такой явной шовинистической бестактностью. Однако, когда они просили у Бунина извинения по поводу неприятного случая, он только понимающе улыбался, выглядел отнюдь не обиженным и коротко заметил: «Всяко бывает...» Мне Бунин показался тогда необычайно умным — умом человека опытного и много в жизни повидавшего».

24 апреля в Государственном театре состоялся первый вечер Бунина. Зал был полон. По отчету газеты «Эхо»: «Контакт с аудиторией установлен был сразу, и публика живо реагировала на каждую остроумную мысль писателя, на каждый выразительный образ». Бунин читал воспоминания о своих встречах с Толстым и Чеховым, Леонидом Андреевым и Шаляпиным, Куприным и Горьким... Его яркое чтение часто прерывалось аплодисментами.

Шла пасхальная неделя, и Бунин счел своим долгом посетить коротко главу литовской православной церкви митрополита Елевферия. Побеседовав с ним, писатель направился в Пушкинский Русский дом, где его ждали соотечественники для чествования по случаю приезда. После пения всеми присутствующими молитвы «Христос воскрес из мертвых» прочувственную речь сказал в адрес Бунина директор гимназии А.И. Тыминский. «Ваш приезд в Прибалтику объединит нас и с другими русскими в рассейании по другим странам мира, — подчеркнул он, — ибо при Вашем чтении сердца будут гореть повсюду, как горят они сейчас, когда мы слушаем Вас, и это горение сближает всех нас, русских». Бунин был тронут приемом, благодарил за теплые слова, охотно писал автографы.

Из загородных поездок должно отметить посещение Буниным Пожайского монастыря. В ограде этой обители находится могила композитора А.К. Львова, написавшего музыку Российского гимна на слова В.А. Жуковского «Боже, Царя храни!»

27 апреля в театре «Метрополитен» прошел второй бунинский вечер «О любви». В «Эхо» опубликовали отзыв: «Собственно говоря, это не была лекция о любви... Ив. Бунин просто прочитал несколько своих рассказов, в которых автор под разным углом зрения рисует вечную тему: любовь... Разная бывает любовь. Но всегда она одинаково согревает человеческие чувства, всегда тем же огнем заставляет гореть человеческую страсть. Это не сказал писатель, но ясно и показательно демонстрировал в прочитанных рассказах... Слушатели были вознаграждены. Они получили действительное удовольствие от прекрасных рассказов и от прекрасного чтения».

Отмечали, что Бунин во время пребывания в Литве избегал говорить о политике. Однако от вопроса, поставленного «в лоб», не уклонился. Его спросили: «Каково ваше мнение о видах Европы на будущее?» И Бунин ответил:

— В ближайшие годы в Европе будут господствовать диктаторы, и новая мировая война неизбежна.

28 апреля Бунин выехал из Каунаса берлинским поездом в Ригу.

Михаил ШАПОВАЛОВ

г. ПОДОЛЬСК,
Московская обл.

Мит. Россия, - 1997. - 1 авг. - с. 13

Бунин в Литве

население, обучавшееся в гимназиях и университетах, понимало по-русски.

21 апреля на литовско-германской границе в Вирбалисе к Бунину в купе вошли журналисты. Он принял их любезно: «Очень мило, господа!» Журналистов интересовали новости русской жизни в Париже.

— Мы только что похоронили Шаляпина, — в словах Ивана Алексеевича слышалась горечь. — Я был на последнем его, июньском, концерте. Я уже тогда Шаляпина не узнал и со скорбью наблюдал за тем, с каким неимоверным трудом он пел, призывая на помощь себе всю силу своего многообразного артистического таланта, чтобы скрыть от публики неимоверность своего напряжения. В антракте я получил от Шаляпина записку с приглашением зайти к нему в уборную и на его вопросы, как он спел, всячески его приободрил... Вспоминаю свое последнее с ним свидание у его постели. Припадок глубокого сердечного кашля захватил больного, который, однако, и в эти минуты сохранил долю своего, так сказать, шаляпинского, подхода к тому, что переживал: «Я кашляю как американский каторжник», — с перекошенной его лицо улыбкой встретил меня Шаляпин... В этом сравнении проявилась сочность шаляпинского слова, своеобразие его мышления... Когда мы его увидели на смертном одре, мы не могли его узнать: лежал не колосс Шаляпин, а осунувшийся, изможденный Дон-Кихот.

— Что сказать мне о Куприне? — продолжал Иван Алексеевич. — Разве только, что в СССР увезли не большого русского писателя, а только одно его имя. Я могу совершенно объективно засвидетельствовать, что из Парижа увезли живой труп, что Куприн уже за полтора года до своего отъезда был человеком совершенно разбитым и физически, и умственно, апатично и безразлично относившимся ко всему, что вокруг него происходило. Его отъезд был аранжирован его дочерью, стремившейся, по-видимому, сделать артистическую карьеру в СССР и... оставшейся в Париже. Вероятно, потому, что здесь у этой не унаследовавшей от отца таланта маленькой артистки открылись какие-то личные возможности во Франции.

О «деле Плевичкой» Бунин говорил с большой убежденностью:

— Как убожите, а не могу я поверить в невиновность этой умной, практичной, умевшей располагать к себе женщины! Мы знали, что она держит под башмаком своего мужа, но, конечно, никто не мог подумать о чудовищности того, что они делали и что подготавливали... Трудно представить себе, что на протяжении двадцати лет муж мог скрывать от жены свою таинственную работу, — да еще такой жены, как Плевичка. А каким талантом наградила Бог эту женщину, чего не перевидала она на своем веку, где только не пребывала, начиная от грязнейших притонов и кончая царскими дворцами!..

Охотно рассказывал Бунин о торжествах в Стокгольме в связи с присуждениями Нобелевских премий. Пошутил:

— Все это, конечно, очень хорошо... И честь, и двести тысяч крон. Но вот в чем несовершенство Нобелевских премий: ее никогда не присуждают вторично.

Между тем поезд приближался к Каунасу, и писатель закончил свое интервью неожиданным признанием:

— По крайней мере один из моих далеких предков был еще при Василии Темном выходцем не то из Литвы, не то из Польши, и фамилия наша была не Бунины, а Бункевичи или Буйновские. И только Иван Грозный переименовал нас — не знаю уже за какие грехи — в Бунины. Где уж нам теперь взыскивать за это с Ивана Грозного!..

Почти недельное гостевание русского писателя в столице тогдашней Литвы прошло крайне насыщенно. Каждый день был расписан по часам. Бунин знакомился с городом, посещал музеи и другие культурные учреждения. Каунас мог показаться ожившей европейской гравюрой — замок, ратуша, церковь Витауту — в раме зеленых берегов Немана и Вилии.

Общество литовских писателей устроило в честь Бунина «чашку чая» в комнате Трех Князей. Говорили на литературные темы. Настроение у всех было приподнятое, оживленное. Бунин давал оценки собратям по перу, вспоминал о своем знакомстве в предреволюционную пору с поэтом Юргисом Балтрушайтисом, который стал послом Литвы в советской Москве. В заключение вечера присутствующие сфотографировались на память.

Случилось и еще кое-что.

Бунину предложили посмотреть «ночную жизнь» Каунаса, и Бунин это предложение принял. Не предвидя никаких неприятностей, веселой компанией отправившись в ресторан «Версаль». Как писал годы спустя академик Костас Корсакас: «Едва мы вошли в забытый до отказа, гудящий, как челиный рой, зал, как публика — инстинктивно, а может, по газетным фотографиям — тут же узнала Бунина, на некоторое время притихла и с чисто мешанским любопытством уставилась на лауреата Нобелевской премии. В ее «культурном» аттракционе этого вечера появление известного писателя было выдающимся и, так сказать, сверхпрограммным номером.

При помощи кельнера мы кое-как получили в переполненном зале отдельный столик, который был поставлен вблизи другого стола, за которым усаждалась группа видных каунасских интеллигентов, причем большинство их были уже изрядно навеселе. И едва мы успели усесться, как один из этой группы вдруг подскочил к Бунину, бросился перед ним на колени и, простирая руки, завопил: «О, кого я вижу — Бунина!»

Сцена эта была столь неожиданна и в ресторанной обстановке выглядела так нелепо, что мы даже не сообразили сразу, как реагировать на такое экзальтированное величие Бунина. Кажется, сам Бунин весьма тактично успокоил своего порядком разгоряченного выпитым «почитателя», который был уже го-

* Певца Н.Плевичка и ее муж, генерал Скоблин, были советскими агентами, замешанными в похищении генерала Миллера. Власть Франции осудили Н.Плевичку на 15 лет, Скоблину удалось бежать в СССР.